***Bruce S.* Secularization: In Defence of an Unfashionable Theory. Oxford: Oxford University Press, 2011. — 243 p.**

Через десять лет после публикации своего программного труда «Бог умер: секуляризация на Западе», Стив Брюс вновь вернулся к теме секуляризации, в том числе для того, чтобы ответить на те возражения, которые были выдвинуты против его теории. Собственно, полемический аспект работы вызывает наибольший интерес, поскольку теоретическая часть мало чем отличается от того, что было представлено в книге «Бог умер». Это все та же выдержавшая испытание временем схема, описывающая движение от протестантской реформации через индустриальный капитализм к светскому государству и либеральной демократии, в рамках которых, собственно, и имеет место «секуляризация на Западе» (сам процесс секуляризации, если попытаться описать его максимально кратко, заключается в том, что «... индивидуализм, разнообразие (*diversity*) и эгалитаризм в контексте либеральной демократии подрывают авторитет религиозных верований... социальное значение религии падает, и она становится личным делом верующего»[18]).

Впрочем, повторение пройденного имеет определенный смысл, поскольку большинство возражений против теории секуляризации, как она представлена у Брюса, основывается на непонимании или на ложной интерпретации этой теории. Так, например, Брюсу приходится в очередной раз объяснять, что «мы и не думали открыть некий неизменный закон социального развития, приложимый ко всем обществам; парадигма секуляризации — это попытка объяснить некие общие черты недавнего прошлого современных либеральных демократий»[19]. Поэтому опровергнуть теорию секуляризации ссылкой, например, на исламскую революцию в Иране, невозможно: даже если политический режим Мохаммеда Реза Пехлеви и был светским, то само иранское общество было чем угодно, но не индустриальной либеральной демократией.

То же самое касается «модернизации». Например, теория «множественных современностей», оппонирующая теории секуляризации, основана на странном представлении о том, что «модерн» — это то, что существует сейчас (и потому — так как мы видим вполне религиозные общества существующие «здесь

18. *Bruce S.* God is Dead: Secularization in the West. Oxford, 2002. P. 30.

19. *Bruce S.* Secularization. Oxford, 2011. P. 3.

и сейчас» — модернизация не необходимо ведет к секуляризации). Равным образом, за «модернизированные» очень часто — на основании внешних признаков (например, в связи с положительными отзывами западных правительственных учреждений и общественных организаций) — принимают общества глубоко архаичные, такие, как, скажем египетское или индийское. Поэтому Брюсу приходится еще раз объяснять, что «„современный“ не значит — „существующий сейчас“; этот термин подразумевает определенные характеристики, и некоторые существующие сейчас общества всецело современны, а некоторые — нет... «современность» — это не просто некий момент во времени»[20].

Еще одно неуместное возражение против теории секуляризации заключается в том, что даже в совершенно секулярных странах (таких как Нидерланды или Чехия), несмотря на явный упадок традиционных конфессий, значительный процент населения продолжает верить в то, что «что-то такое» (высшая сила, Бог, духи, карма и т. д.) существует. Однако теория секуляризации вовсе не предполагает, что все члены модернизированного секулярного общества непременно должны стать атеистами. Эта теория говорит, во-первых, о снижении *социальной* роли религии (когда — насколько это касается общественной жизни — религиозные правила и нормы полностью заменяются чисто техническими процедурами и критериями), и, во-вторых, о снижении, если можно так выразиться, «интенсивности религиозной жизни» на уровне отдельных верующих (когда, с одной стороны, слишком интенсивное выражение религиозных чувств кажется странным и вызывает непонимание у окружающих, а с другой стороны, верующие, даже оставаясь таковыми, затрачивают все меньше времени, энергии и ресурсов на действия и деятельность, имеющие сакральный смысл).

Далее, Брюс подчеркивает, что секуляризация, будучи необратимым процессом, тем не менее, не равномерна. Определенное «торможение» процесса секуляризации (которое иногда даже создает иллюзию того, что он обращен вспять) имеет место потому, что по мере усиления секуляризации усиливается и оппозиция по отношению к ней, а различные религиозные группы, ранее малочисленные и пассивные, привлекают новых сторонников и начинают проявлять повышенную активность, поскольку угроза для их традиционного образа жизни и их верований становится более явной и отчетливой (как говорил И.В. Сталин по совсем

20. Ibid. P. 26.

другому поводу, классовая борьба обостряется по мере достижения успехов в строительстве социализма). По мнению Брюса, это как раз случай «правых христиан» в США: «Сочетание того, что американская культура становилась все более либеральной, а у консервативных протестантов наблюдался рост самосознания, и стало базисом для подъема „правых христиан“»[21]. С другой стороны, Брюс показывает, что мобилизация ресурсов не привела правых ни к одной более или менее значимой победе на законодательном уровне, и «еще большую неудачу они потерпели в попытках обратить вспять изменения в жизненных предпочтениях обычных американцев: после 1978 г. процент матерей, работающих вне дома полный рабочий день увеличился; разводы стали более привычными; „жизнь во грехе“ — настолько обыденным явлением, что сама фраза вышла из употребления; женщины стали активнее участвовать в общественной жизни… гомосексуализм принят обществом настолько, что популярные телесериалы показывают геев и лесбиянок как положительных героев»[22]. Иначе говоря, тренд на секуляризацию сохранился, несмотря на все попытки правых христиан его развернуть.

Исходя, в общем и целом, из этих же оснований, Брюс отвечает на критику теории секуляризации со стороны сторонников тезиса об «исключительности Америки». Если США и исключительны в чем-то, так это в том, что процесс секуляризации идет там относительно медленно (Брюс приводит множество объяснений этому факту, как то: огромные (сравнительно с европейскими странами) эмигрантские общины, для которых религия в некоторых случаях является важнейшим элементом самоидентификации; отсутствие строгой (такой, как в Европе) централизации, что позволяет религиозным общинам создавать «независимую» образовательную систему и т. д.). Несомненно, США остаются более религиозными, нежели Европа, но при этом они куда менее религиозны, чем 50 (или, тем более, 100) лет назад. «Во-первых, имеются очевидные свидетельства того, что христианство в США теряет власть, престиж и популярность. Во-вторых, имеются очевидные свидетельства того, что само христианство становится все более секулярным. В-третьих, несмотря на определенное влияние „правых христиан“ в общественной жизни, они не достигли никаких значимых успехов в попытке развернуть тенденцию, сообразно которой религия становится все более маргинальной

21. *Bruce S.* Op.cit. P. 169.
22. Ibid. P. 170.

в том, что касается функционирования социальной системы»[23].

Наконец, Брюс отвечает на критику со стороны сторонников «теории предложения», согласно которой чем больше плюрализм в религиозной жизни (т. е. чем больше религиозное «предложение»), тем больше религиозный «спрос», и наоборот (соответственно, с этой точки зрения, секулярная Европа переживает сейчас аномальную ситуацию, обусловленную отменой ранее существовавших религиозных монополий, после чего, когда религиозный плюрализм станет обычным явлением, как в США, ситуация изменится на прямо противоположную). Согласно Брюсу, сторонники этой теории (в частности, Р. Старк и Р. Финке) манипулируют статистическими данными: так, например, «Лэнд и его коллеги проанализировали данные по 700 округам и по подмножеству округов, включающих те 150 городов, которые изучали Финке и Старк; во всех случаях они пришли к противоположным результатам... Вывод команды Лэнда: „Именно религиозная монополия, а вовсе не плюрализм питает религиозную экспансию... кроме того, ее питает этническая гомогенность“ ...»[24]. Впрочем, помимо опровержения «теории предложения» на основе новых статистических исследований, Брюс обращает внимание на довольно очевидные и хорошо известные факты: «В западном мире, как правило, наиболее гомогенные католические и православные общества (Испания, Португалия, Италия, Греция, Ирландия) более религиозны, нежели более плюралистические протестантские (Британия, например). Даже если мы возьмем страны, во многом сходные, мы увидим, что чем больше плюрализма, тем меньше религиозности»[25].

В связи со всем этим у меня имеется только один вопрос к автору. Брюс приводит весьма любопытное наблюдение, согласно которому упадок пуританизма в США шел следом за ростом благосостояния населения («Пока они оставались бедными, их пуританизм помогал им примириться с их бедностью. Телевидение было неприемлемо, потому что несло сатанинские послания — но ведь большинство фундаменталистов все равно не могло купить телевизор... Однако как только телевизоры стали доступнее, отношение к телевидению изменилось. Модные вещи и личные украшения считались греховными, но все стало иначе, когда пятидесятники смогли их покупать»[26]). Конеч-

23. Ibid. P. 158.
24. Ibid. P. 145.
25. Ibid. P. 146.
26. Ibid. P. 162.

но, среднестатистическому жителю современного западного (уже постиндустриального) общества, вполне сытому, работающему немного и на «непыльной» работе, *квалифицированному* потребителю, которому в обязанность вменяется только и исключительно потребление, религия (как и любой другой «большой нарратив») должна быть безразлична (и даже вызывать неприязнь, как нечто препятствующее потреблению). И пока среднестатистический западный обыватель может вести такую жизнь, процесс секуляризации, несомненно, будет продолжаться. Но что если — говорю об этом в свете неутихающего экономического кризиса — либеральную демократию сменят авторитарные режимы, социальные гарантии будут повсеместно отменены, материальное благополучие западного потребителя развеется как дым, а сам он окажется в роли скромного фермера, рыбака или рабочего, потерянного во враждебном окружающем мире и не имеющего надежды на помощь со стороны государства — вот в этих новых условиях, не произойдет ли возвращения религии? Если в ходе экономической катастрофы произойдет радикальная архаизация общественных отношений, если исчезнет большая часть факторов, вызвавших к жизни секуляризацию, то не исчезнет ли и сам тренд?

Понятно, что мой вопрос носит исключительно умозрительный характер. Что же касается практических нужд, т. е. описания западного (а отчасти, и российского) общества как оно есть «здесь и сейчас», то книга Стива Брюса окажется весьма полезной любому исследователю, даже тому, кто не принимает парадигму секуляризации.

А. Апполонов

Православная церковь при новом патриархе/Под ред. С. Филатова и А. Малашенко. М.: Московский Центр Карнеги, 2011. — 416 с.

Изданная в конце 2011 года книга не могла не вызвать интереса религиоведов, политологов, социологов да и просто любопытных читателей.

Нужно сказать, что сама идея такой книги давно назрела. Три года правления патриарха Кирилла принесли в жизнь РПЦ немало новшеств. К сожалению, они пока не получили полного осмысления в рамках академического, внеконфессионального религиоведения. Попытка такого осмысления, к тому же совершенная признанными и извест-